

ИГОРЬ МАСЛЕННИКОВ

ЛЮД
МИЛА

&

РУС
ЛАН

Игорь Федорович Масленников Людмила & Руслан. Побасёнки из костюмерной

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63068721

Людмила & Руслан: Студия «Троицкий мост»; СПб; 2020

ISBN 978-5-6044652-5-7

Аннотация

Это ещё одна ироническая киноповесть (после сборника новелл «Побасёнки на экране», повестей «Пришла пора» и «Корень Suomi» в издании студии «Троицкий мост») известного кинорежиссёра и художника, народного артиста РСФСР, лауреата государственной премии России Игоря Масленникова.

Автор по-прежнему просит читателей не искать в этих «досужих байках с картинками и переодеваниями» отражения событий реального времени на реальном пространстве, но предлагает задуматься над нашим будущим.

**Игорь Масленников
Людмила
&
Руслан
(Побасёнки из
костюмерной)**

Отошедший от дел в новые времена писатель Влад Михайлик слывёт в деревне Стойлово среди дачников из Москвы, Твери, Петербурга и Новгорода записным рыбаком. Деревенька небольшая. Ютится между густыми сосновыми лесами и пашнями, медленно зарастающими иван-да-марьей, иван-чаем и одуванчиками. Нет в этих краях только борщевика – бог миловал! Некоторые избы пустуют, откровенно предлагая себя купить.

Литератор с берегов полноводной Невы в синей велюровой шляпе, коричневом плаще-болонье и резиновых зелёных сапогах сидит с бамбуковой удочкой на брёвнах развалившегося совхозного моста, по которому в недобрые советские годы ходили комбайны, жатки и сеялки. Теперь здесь тишина. Ничто не пугает спящих в мелкой, но быстрой и студёной речке Чугунихе гольцов, уклеек и пескарей. Есть в Чугунихе и бойкие серебристые голавли, но писатель не хочет тратить время на рыбацкие интриги и хитрости – кто кого.

Под косогором рядом с домом писателя после каждого весеннего разлива Чугунихи образуется старица. Рыба в ней не водится. А вот лягушек – видимо-невидимо. Полезные твари – питаются комариным мотылём. Синие стрекозы трепещут над старицей и тоже ловят комаров. Райские места!

Когда писатель с коромыслом и двумя вёдрами чистой воды поднимается от колодца возле старицы к своему дому и смотрит на окружающий мир, его «лошадиное» узкое породистое лицо выражает восхищение – действительно, рай!

Местные пацаны пользуются на Чугунихе бреднем, но писателю это не нравится. Особенно слово «бред», ибо он относит себя к изобретённому им литературному стилю «делириум», то есть по-русски «бред».

«...Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли...» Вот это слово из песни он и вынес в определение своего стиля – «чушизм». А слово «брень» путает рыбу с литературой и выводит писателя из себя...

Чушь прекрасную нести! – это современно...

Влад коротает одиночество. Его семья – жена Наина – профессиональная портниха и их дочь модельерша Людмила – постоянно обретаются в Ленинграде-Петербурге. Модное ателье «КАFTAN» им не принадлежит, но доход приносит, что позволяет «папочке» жить в творческом одиночестве от снега до снега. Родственники – редкие гости в его аркадиях. Друзья тоже... Впрочем, за долгую жизнь писатель так друзьями и не обзавёлся. Мечты, планы, смелые проекты роятся в его седой продолговатой как тыква голове, но увы!.. То ли малокровие, то ли прыгающее атмосферное давление плохо влияют на творческий потенциал. Писать ему не хочется...

Влад заботится о своём обеде. Дура-мелочь в Чугунихе клюёт на славу. Одним червяком можно надёргать с десятков рыбёшек...

Потом он их чистит...

Потом жарит на постном масле...

Потом ест, запивая разливным кислым столовым вином, которое он еженедельно покупает в автолавке у весёлой продавщицы и шоферюги по кличке Гречка.

Места исторические. Вот, например, руины скотного двора, построенного перед войной на месте сгоревшей барской

усадыбы (её спалили цыгане в знак протеста, когда советская власть попыталась сделать их оседлыми). Эти руины таили в недрах окаменевшего навоза и чернозёма следы прежней жизни – фарфоровые черепки чайных сервизов, осколки хрустальных бокалов и ваз, синие изразцы – фрагменты голландских печей... Писатель нашёл там однажды серебряную чайную ложку, потемневшую от времени и невзгод. Он её почистил зубным порошком, но пользоваться не стал – мало ли кто брал её в рот.

Живёт писатель в ладной небольшой избе, купленной у попадьи Ирины Фёдоровны Москвиной.

Атеист Никита Хрущёв на пути к коммунизму добрался и до здешней сельской церкви. Её заколотили. Священник отец Андрей был переведён епархией куда-то, но его жена никуда ехать не хотела, она увлекалась пчеловодством и предательски бросить пасеку с десятком пчелиных семей было выше её сил.

В заколоченную церковь повадилась районная молодёжь на мотоциклах. Среди дворянского праха времён давней Отечественной войны с Наполеоном, вскрывая саркофаги, ребята временами находили – кто золотой крестик, кто какую-нибудь медальку, а то и орден. Кому-то досталась даже шпага в серебряных ножнах...

Попадья Ирина Фёдоровна торговала своим мёдом, лечила травами стойловских обывателей от мелких болезней, гадала – кому на картах вдали от икон, кому на кофейной гуще,

и, наконец, увя, состарилась. Нищета перестроечных времён заставила её продать избу и уехать в районный приют. Дом с опустевшими ульями и баней по-чёрному достался писателю Михайлику по дешёвке.

Получил он в прибавку и огромного рыжего в полоску кота, конечно – Леопольда, которого он звал на польский манер Лёдей – большого охотника на мышей. Мелких, как редиска мышат Лёдя съедал сам – целиком, с лапками и хвостами, а крупных складывал перед новым хозяином – ровными штабелями. Простонародную серую рыбу из Чугунихи Лёдя не ел.

Рыбу ел Владислав Евгеньевич...

Временами он садился перед своим бюро, которое он устроил на чердаке между слуховым окном и кирпичным белёным «боровом» – дымоходом, важной деталью русской печи.

Когда писатель стал пенсионером, убогие гроши настроили его против нынешней капиталистической системы. Он стал иногда писать сатирические стихи, но не публиковал. Например:

...Выручка, прибыль, доход и барыш —
Днями хлопчешь, а ночью не спишь.
Доллары, тугрики, евро, юани —
Всё лишь от дури, раз мозги бараньи...

И какое всё же зло ты —
Мелкий грош и крупный злотый...

Он переводил с польского стихи, сочинял страшные сказки для взрослых — подражания американским комиксам. Фантомас, Бэтмен, Человек-паук присутствовали в его сочинениях под славянскими именами. Иногда он переиначивал свои старые новеллы в злободневные повестушки в стиле «чушизма», рассылал их по журналам. Увы, потом всё копилось здесь — на чердаке, складывалось штабелями под «боровом»...

Местное население, конечно, его книг не читало, но все знали — их сосед и теперь земляк — известный писатель.

Пытался он заняться садоводством. Польская кровь в жилах подсказала ему — что именно надо иметь от сада — яблоки. Саженцы сортов «Чемпион» и «Гала-рояль» были присланы ему дальним родственником по переписке из-под Гданьска. То ли польская, то ли немецкая рассада-выводок.

И первая же ветреная вьюжная зима, которую он пережил в тёплом сыром Петербурге, свела на нет всю эту «самодеятельность».

Прижились только ёлочки вдоль забора, которые Влади-

слав Евгеньевич нарыл в ближнем лесу.

* * *

...Всё шло своим чередом. Рыба, рыжики на полянке перед развалившейся церковью с опустошёнными склепами, крапива, бузина, калина и черноплодная рябина, треск кузнечиков, роса, туманы, баня по-чёрному, уютный деревенский погост, на котором агностик Влад мечтает когда-нибудь, но не скоро, упокоиться...

Как вдруг весной, в середине апреля, когда всё вокруг решительно зазеленело!..

Влад видит в бинокль из окна своей избы, как посреди заросшего бурьяном широкого поля, на фоне порушенного временем и местными умельцами совхозного скотного двора и руин барской старорежимной конюшни появляется тягач. К тягачу прицеплен зелёный вагончик-бытовка строительного типа с оконцами и дверью, с телевизионной антенной в центре крыши, на четырёх твёрдой резины колёсах.

Влад, бросив жареную рыбу, бежит наперерез захватчикам.

– Бог в помощь... – интеллигентным голосом обратился Влад к вылезшему из тягача мужику. – Чем могу помочь?

– Получил в районе это поле, – говорит захватчик. – Будем ставить коровник... Скотину пригоню на той неделе...

– А не свиарник? – тонко интересуется Влад.

– Молоком вас тут всех залью... Будем знакомы: Иванов!..

– Оригинально... – добродушно пошутил писатель. – Легко запомнить.

– Константин... Можно просто Костя. А это моя жена «Конст...и...туция», – засмеялся новосёл. – Живу по её законам...

– Мария... – представилась жена, выходя из вагончика. – ...Северьяновна.

– Михайлик, Владислав Евгеньевич! – в ответ вежливо представился писатель.

– Еще Польшка не згинела! – подхватывает шутливый тон новый сосед...

– Эще-эще... – соглашается пан Михайлик, приветливо улыбаясь...

* * *

...Укладываясь спать на тюфяки, набитые сеном, застегнув пряжки на входе в армейскую старую палатку, которую они разбили по причине жаркой погоды рядом с зелёным модульным вагончиком, Иванов угрюмо молчал. Жена подала ему кружку чая, кипячённого на чугунной плите в бытовке,

кусок пирога с капустой, вкрадчиво заметила:

– Мягко стелет...

...И вот уже шумный тягач, лихо разворачиваясь на поляне, начал совершать рейс за рейсом доставку материалов, инструментов, барахла новых соседей писателя...

...И вот на свет появляется давно забытая портативная печатная машинка («машина до писанья») «Рейнметалл-Борзиг». Обтерев пыль и заправив в каретку лист бумаги, Влад вспоминает свою профессию и приступает к сочинительству.

Пальцы, привыкшие к нанизыванию червя на крючок и к чистке рыбёшек, не сразу стали слушаться... Но вскоре дело пошло.

«Уважаемые руководители нашего района! К нам в Стойлово пришла беда...»

...Вот уже и небольшое стадо с десятков коров, в основном молодняка, переходит вброд мелководную Чугуниху, вызвав панику у рыбной мелочи, привыкшей к покою, тихой воде и роковому общению лишь только с литератором...

Rheinmetalle

Бывший деревенский староста – Пал Палыч, он же бригадир ныне несуществующего «Совхоза имени двадцатилетия Октября», нанялся у новосёлов пастухом. Договорились со стариком про плату – молочными продуктами, пока не начнёт поступать результат фермерского бизнеса – прибыль. В своём сарае староста отыскал колокольца-болтуны, оставшиеся от совхозного стада, приладил их к выям ивановской скотины и теперь округу оглашал приятный звон – увы, не церковный...

Писателя не первый год Палыч обходит стороной, здороваясь, говорит:

– Здравствуй, пряник! – а за глаза: – Нечистая сила...

...А сила эта продолжала трудиться за пишущей машинкой: «Мы, работники культуры и искусства, нашедшие в этих благословенных краях все условия для отдыха и плодотворного творчества...»

...Вот уже захватчик Костя Иванов стучит на всю округу, сколачивая солидный навес лагерного содержания для своей скотины...

«...Все мы с тревогой узнали о нависшей над экологией нашей природы угрозе – строительстве огромного свиноводческого комплекса. Кто позволил?..»

...Вот уже супруга захватчика Иванова Мария Северьяновна доит под навесом своих бурёнок. С бидоном в руке к ней подходит писатель.

– Мир и благоденствие, хозяйюшка! – говорит он медовым голосом. – Молочко ваше отменное... Нельзя ли ещё поживиться?

– Берите на здоровье, – льётся в бидон писателя парное молоко.

– Сколько обязан? – вынимает кошелёк Влад.

– Да нисколько... Мы ж соседи!..

А неугомонная «машина до писанья» – германский «Рейнметалл» всё стучит и стучит:

«...В наших краях воцарилась атмосфера торгашества и стяжательства...»

Парное молоко высоко оценили кроме писателя дачники с детьми и пищеблок соседней воинской части. Фермерский проект вот-вот начинал окупаться. Так длилось до середины августа, когда пришедшие с севера прохладные ночи напомнили о себе, о туманах на сырых полянах и впадинах, о скорых «белых мухах», которые закружат над грибными перелесками и берегом Чугунихи.

Рядом с временкой – армейской палаткой, где летом было удобно и тепло ночевать новым фермерам, бригада плотников-вахтовиков из района начала трудиться над срубом скромной, но удобной избы-пятистенки. Ондулин для крыши, оконные пластиковые рамы и двери, огнеупорный кирпич для печи – всё лежало под навесом, на пол был спланирован ламинат. Современно и «по карману».

Груды строительного материала таяли на глазах.

Вот в это время и появился участковый уполномоченный на шумном мотоцикле «Урал». Как и положено, по старой привычке он остановился сначала возле дома бывшего старосты перекинуться с ним парой слов.

А уж потом, смущаясь и отводя глаза, он вручил Константину Сергеевичу Иванову казённый пакет с постановлением областных властей.

– Северьяновна! – обратился к жене Иванов. – Послушай, что они пишут...

– И слушать не хочу!

Но муж продолжил:

– «...В целях защиты охранной территории и садово-парковой зоны отдыха... реставрационных работ церкви Святого Георгия и усадьбы князей Таракановых-Юденич... Губернатор области, а также епархиальное управление района...»

– Прекрати! – закричала Мария Северьяновна.

– Но у меня же есть бумага – районное... – робко начал

Константин и кивнул в сторону строителей. – Что мы скажем ребятам?

– Прекрати!!! – ещё громче прокричала жена. – В Москву!.. Немедленно!.. К Володе!!!

* * *

...Путь в Москву был недолог. Программа ясна – туда-сюда и обратно. Узкоколейка первых пятилеток давно сгнила, заржавела, не спеша таяла на пунктах по сбору металлолома. Но из недалёкого военного городка – ходит автобус... Пятнадцать километров на нём мимо стрельбищ, огороженных колючей проволокой армейских складов, мимо заколоченной досками бывшей совхозной конторы до скоростной «железки»... С автобуса на электричку, с электрички уже на другой автобус, потом опять на пригородный, но уже на столичный – московский... Знай раскошеливайся.

Поезд катит мимо полупустых деревень, вроде Стойлова, жителей которых «отсосала» в себя столица, поселила их в много-многоэтажные муравей... нет!.. человекейники.

Вот они уже стоят на горизонте стройными унылыми рядами, не имея никакого отношения ни к какому архитектурному стилю.

...К парадному входу сияющего стеклом и алюминием бизнес-центра подходит мужичок – явный провинциал. Джинсовые портки, свитер с оленями и просторная серая куртка с накладными карманами. За спиной спортивный рюкзак, квадратный бумажный пакет в руке.

Это и есть Константин Иванов.

В тот момент, когда он собирается прикоснуться к стеклянной двери бизнес-центра, она распахивается. В сопровождении услужливых клерков на порог выходит их явный начальник – полный, в дорогом костюме типа «Бентли», с голубым натурального китайского шёлка галстуком и с портфелем крокодиловой кожи.

За те несколько секунд, пока не подкатил лакированный «Лексус», Константин Иванов делает шаг к начальнику:

– Володя!

– Здорово, Косой! – приветливо говорит начальник, усаживаясь на заднее сиденье.

РОСЭКОЛОЗАЩИТА

– Я тут...

– Давай звони...

И «Лексус» срывается с места...

Проводив лимузин растерянным взглядом, Константин всё-таки входит в стеклянные двери. Его тотчас же останавливает охранник, стоящий возле узкой рамы металлоискателя:

– Попрошу...

– Владимир Северьянович сказал позвонить...

– Какой ещё Северьяныч? – улыбается охранник.

– Жигалов...

– Жигалов? – охранник становится серьёзным и показывает на окошечко сбоку от дверей. – Обратитесь в бюро пропусков.

– Меня Владимир Северьянович Жигалов просил позвонить, – говорит Костя в окошечко. – Дайте номер...

– Мы телефонов не даём... – извинительным тоном отвечает ему приветливая девушка в окошке. – Звоните к нему в приёмную.

– А как звонить?

– Там возле двери местный телефон.

– А номер?

– Там висит и список номеров, – улыбается она.

Костя решительно идёт к телефону, изучает список в рамке, находит номер, набирает цифры...

...Ещё одна приветливая москвичка сидит в приёмной, обставленной хайтековской мебелью, в окружении пальм и кактусов пьёт кофе.

– Приёмная Жигалова, – снимает она элегантную трубку и слышит голос Кости.

– Меня Владимир Северьянович просил позвонить.

– Владимира Северьяновича нет на месте.

– Я знаю... Мне его телефон нужен.

– Мы телефонов не даём... А вы кто?

– Родственник... Зять...

– Звоните его референту.

– По какому номеру?

– Там перед вами висит список номеров, – секретарша вешает трубку и приступает к кофе.

...Костя снова долго рассматривает столбцы телефонных номеров, что-то находит, нажимает клавиши аппарата...

...Румяный молодой человек в коломьянковом кардигане снимает трубку:

– Корпорация «Росэкологозащита» слушает...

– Вы референт? – слышит он в трубке голос Кости.

– Референт чего?

– Жигалова Владимира Северьяновича...

– Он за границей... А вы кто?

– Как «за границей»?.. – слышен изумлённый голос Кости. – Я только что его видел.

– Тогда чего же ещё вам нужно? – иронизирует молодой

чиновник. – Он уже в самолёте...

– Мне нужен его телефон, – настаивает Костя. – Раз в самолёте, значит мобильный.

– А вы кто?

– Родственник. Он мой шурин...

– Могу озвучить телефон референта вашего «шурина», – в голосе молодого человека слышна ухмылка.

– А вы-то кто?.. Разве не референт?

– Неважно... Записывайте... – вежливо говорит молодой чиновник. – Вы в Москве?

Костя, стоя у телефона, старательно записывает на своём бумажном пакете какие-то цифры. Потом пытается набрать номер... Не получается.

К нему подходит охранник:

– Это местный... Звони по мобиле...

– У меня нет.

– Так не бывает.

– Бывает... У меня сынишка этим занимается. Даже шахматы забросил.

– Возьми у него.

– Он далеко.

– Тогда купи...

* * *

...И вот уже фермер в магазине электроники. Продавец

разложил перед ним дюжину различных блестящих мобильных телефонов.

– Какой самый дешёвый? – спрашивает Костя.

– Полторы... «Мегафон».

– Покажите...

...И вот уже он сидит в кофейне и колдует над новеньким мобильным телефоном. Получается с трудом.

...Наконец хитрая машинка срабатывает, радиоволны, видимо, зацепились друг за друга, журчит мелодия соединения с абонентом...

...Солидный мужчина в очках (чёрная бородка и лысина под Ленина, строгий костюм типа «лапсердак», тёмный узкий галстук в горошек, крахмальная белая рубашка) взмахом ладони правой руки оживляет свой волшебный аппарат.

– «Росэкологозащита» слушает...

– Вы референт? – слышится усталый голос Кости.

Солидный мужчина молчит.

– Вы референт Жигалова?.. Я его родственник...

В ответ – молчание.

– Он брат моей жены... Шурин...

– Все люди братья... Читайте Библию, – чёрная бородка усмехается. – Что вам угодно?

– Мне нужен телефон моего шурина Владимира Северьяновича Жигалова... – голос его суров.

– К сожалению, телефонов мы не даём.

– Он просил меня позвонить.

– Только через Фейсбук... – решительно прерывает Костю чёрная бородка. – Пишите электронный адрес: «Росэколозащита»... собака...

* * *

...И вот сидит теперь частный предприниматель и скромный фермер, осваивает передовую технику уже в интернет-кафе. Рядом девушка-инструктор помогает ему, берёт в руки его гаджет:

– У вас красивый номер – 5432112345... Повезло... Вы хотите написать письмо?

– Хочу.

– Ваш пароль? – приветливо говорит она.

– Что?

– Ваш индивидуальный секретный пароль... Я отвернусь, чтобы не видеть...

– Секретный? – изумляется фермер.

– Мир криминален! – назидательно сообщает ему милая девушка... – И как же вы жили без телефона?

– Сынишка этой мурой занимается. Даже шахматы забыл. А мне некогда...

...Между тем за окнами интернет-кафе зажглись уличные московские огни, стемнело... В полный рост встала проблема ночлега!

Обладатель мобильного телефона, зять крупного москов-

ского начальника, успешный фермер Иванов вдруг почувствовал себя неуверенно в столице. В рюкзаке оказалась записная книжка для расходов, а там и несколько телефонов, среди которых лишь один всё же был московский.

Ещё служа в Баренцевом море на борту эскадренного миноносца (эсминца) «Молодецкий», мичман Константин Иванов и судовой фельдшер Степан Сырников оказались земляками – из соседних деревень под Тверью.

Волшебство современной телефонной связи:

– Степан!.. Койка на ночь найдётся?

– Железо!.. Давай!..

Многომиллионная столица, как уже было сказано и приходится это повторять, кроме коренного населения ежегодно поглощает в своих недрах армии новосёлов и гастарбайтеров из ближних и дальних пределов. Шоссе между двумя столицами – Москвой и Питером пролегает мимо пустых, полуразвалившихся деревень и весёй, так похожих на Стойлово.

Где все? – задаёт вопрос проезжающий путник.

Все в Москве... Частично – в Петербурге...

А голову приедем преклонить негде – или дорого, или уже занято... «Огни большого города»...

* * *

– Хорошо выглядишь! – приветствовал гостя и сослуживца хозяин квартиры, впуская Константина в дом. Сам Стёпа Сырников явно погрузнел после морской службы. Бывалая тельняшка плотно обтягивала его пузо.

Обнялись, сразу двинулись к столу на кухне.

– Хорошо выгляжу? Свято блюду и следую завету родного отца... – объясняет Константин, вынимая из рюкзака «плату за ночлег» – литровку «Рябиновой». – Сто грамм водки и хвост селёдки в обед каждый день.

– А я сижу на вискаре, – огорчённо развёл руками тучный хозяин дома.

– Кто-нибудь из нашего экипажа в Москве обретается? Встречал кого-нибудь?

– Встречал... – подумав, ответил медик. – Феликса...

– Какого Феликса?

– Да этого... Как его... Дай вспомнить... Моториста...

– Мутко?... Но он не Феликс...

...Тем временем улыбчивая хозяйка этой уютной квартиры Елена Петровна начала накрывать на кухне ужин. В центре стола появилась и «Рябиновая».

...– Нет, давай по порядку, – продолжают воспоминания мужчин (говорить-то, оказывается, больше не о чём). –

«А»... На «А» нету... «Б»... На «Б» был Балясников.

– Но он не Феликс, – возражает Константин.

– Да... Поехали дальше... «В»... Нету... «Г» – это был не Гаврилов...

Сели за стол.

– На «Д» не было – начал помогать фермер. – «И»... Кто у нас в экипаже был на «И»? Кроме меня...

– Никого... «К»... Много на «К»... Кудояров, Кугель, Кастриди... Не то... Я в Москве их не встречал... «Л»... Нет, не Либерман... И вообще он не служил... Я путаюсь.

В его руках неожиданно появилось широкая синяя с белыми полосками тряпка, которую он набросил на плечи гостя:

– Раз ты без тельника, вот тебе гюйс... Флаг поднят на якорной стоянке – морская душа поёт!

С этими словами Степан Осипович распечатал принесённую Костей бутылку, начал разливать...

– Давай, я быстрее вспомню... – Иванов наморщил лоб. – «Н» – не было... «О» – не было... «П» – Париджанян был когда-нибудь в Москве?

– Нет.

– «Р»... Только один Рашевский.

– Он!.. – радостно восклицает хозяин дома. – В Москве я встретил Рашевского!.. Давай выпьем!

Они выпивают, закусывают селёдочкой под шубой.

– Но он не Феликс! – прожевав, говорит Иванов.

– А как?.. Как его зовут?

– Забыл... Но точно не Феликс...

– Тогда давай сначала... – Степан Осипович берётся за бутылку.

– Стёпа, не увлекайся! – Елена Петровна вошла на кухню.

– Я – медик! Мне можно... Надолго в Москву?..

Но Константин не любит бросать начатые дела и продолжает:

– Ты будешь называть буквы, а я перечислять имена.

– Давай... – поднимает рюмку Степан Осипович и торжественно произносит:

– «А»!

– Андрей, Алексей, Александр... Не то...

– «Б»...

– Борис...

– «В»...

– Вениамин, Владимир, Василий... Не то!

– «Г»...

– Геннадий, Генрих, Гаврила... Совсем не то!

– «Д»... Дмитрий... Давид... Даниил... Не было таких в экипаже.

– «И»...

– Иван, Илья, Исаак... Нет.

– «К»...

– Это – я! Константин – это я! – радостно воскликнул Иванов.

– Нет... Это был не ты, – покачал головой хозяин дома. – Но давай выпьем за тебя!.. Спокойной ночи...

Мужчины выпили.

– Степа, не увлекайтесь! – ещё раз в эту трапезу попыталась вмешаться жена.

Но их гость не мог остановиться на полпути. Не тот характер. Поэтому он продолжил:

– Сергей – не то, Соломон – тем более, Степан...

– Это я! – радостно отреагировал медик.

– Не то! – отмахнулся от него фермер. – Никого на букву «Т»... А там уже – Устин, Фёдор, Феликса мы проверили, Харитон, Чарльз, Шамиль, на «Ща» имён русских не бывает, мягкий знак, твёрдый знак, «Ы», Эдуард, Юрий, Яков! – Всё не то!

Русский алфавит был закончен. Повисла пауза.

Выпили...

– Ярослав! – вдруг радостно воскликнул Степан Осипович. – Рашевского зовут Ярослав!..

– Тьфу!!! – с досадой реагирует Иванов. – С конца азбуки надо было начинать!!!

– А чего это вдруг, с какого переляху мы его вспомнили?.. На ночь глядя?..

– Вот потому и вспомнили, что мне бы где-нибудь бы... – смущенно заговорил иногородний гость.

– У нас!.. Только у нас! – хозяин дома уже дошел до кондиции. – Надолго в нашу распухшую столицу?

– Сколько выдержите... – пошутил Константин.

– Да нам-то что! – добрая душа фельдшера была уже нараспашку. – Было бы где у нас спать...

– У кого это «у нас»? – повернувшись от плиты, спросила жена.

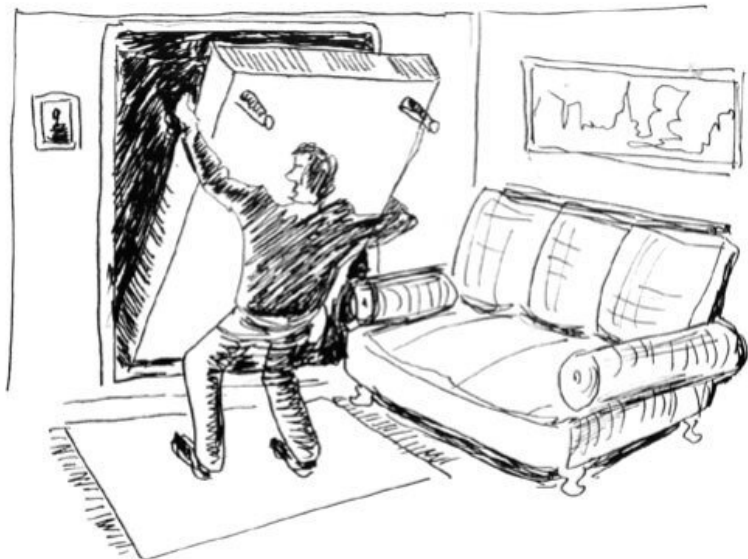
– Мы, Леночка, ляжем с тобой на диване. Он легко раздвигается, прямо как книжка... А Костя на «выдвиженке».

– На «выдвиженке»? – не понял гость.

Нетвёрдой походкой Степан Осипович идёт из кухни в их единственную комнату, подходит к шкафу-купе, раздвигает центральные зеркальные створки и взмахом волшебника опускает на пол спрятанный там матрас на ножках.

– Прогресс человечества!.. Двадцать первый век... Широкие просторы для сна!

Он подходит к дивану и обнаруживает, что его разложить нельзя – мешает «выдвиженка».

– Тогда ты будешь спать на полу, – говорит жена.

– На полу я спать не буду! – возмутился фельдшер. – Я пойду к Кузьмичу...

– А я останусь с твоим собутыльником? – терпение и столичная вежливость Елены Петровны кончились...

* * *

...Уже при лунном свете пастух Пал Палыч загнал под лагерный навес десяток бурёнок. Их ждала хозяйка.

– Как же ты, милая душа, с ними справишься... – сокрушенно вздохнул старик, раскуривая «беломорину» (есть такой грех!). – Давай помогу... Костя-то где?

– Поехал в Москву.

– Разгонять тоску?

– Вроде того...

– Мы сюда, а вы куда? Мы туда, где выгода... – любимая прибаутка Палыча.

Вдвоём они стали расставлять коров по стойлам, не замечая, как в тени, избегая лунного холодного света, замерла тёмная фигура во фраке, чёрном плаще и маске – ни дать ни взять «Мистер Икс», «Фантомас» или «Человек-паук» – из американских комиксов или скорее даже из сочинений Влада Михайлика.

А это был именно он! Жертва «чушизма», книжных реминисценций, собственных фантазий и скуки – «Человек-нетопырь» (Бэтмен)... Пользуясь темнотой августовской ночи, весь в чёрном – надо полагать, для маскировки – он подслушивал беседу Палыча и Марии.

... – А что в Москве? – любопытствовал Палыч. – По строительным делам?

– Вроде того, – неохотно отвечала Мария. – К брату моему поехал.

– У тебя есть брат в Москве?

– Да... Старший... И там он вроде как тоже старший.

– Начальник, значит?

– Вроде того...

– По вашим делам поехал? С лёгкой руки Льва Толстого?

– Какого Толстого? – удивилась Мария.

В ответ Пал Палыч лишь хитро покачал седой головой:

– «Война и мир»... Земля слухом полнится...

В тёмных кустах за навесом лагерного содержания треснула сухая ветка. Пал Палыч прислушался.

– Нечистая сила, – снова усмехнулся он. – Береги скотину, Мария.

Заскоружлыми широкими пальцами старик гасит недокуренную папиросу:

– Вот такое дело... Ну что, доить будем?

– Давай, вечернее... Кроме тёлочек...

* * *

Столяр-краснодеревщик Кузьмич живёт в том же доме, где и фельдшер Степан Сырников, в такой же типовой малогабаритной однокомнатной квартире-хрущёвке.

Гости застали его врасплох – он в трусах, на загорелом теле майка с надписью «КРЫМ», шаркает шлёпанцами по паркету.

Гостеприимная и хлебосольная наша столица, конечно, не могла оставить в беде робкого бездомного провинциала. Степан Осипович с охапкой постельного белья, бутылкой недопитой водки по-свойски усаживается на кухне Кузьмича. Робеющий Константин с синим гюйсом, украшающим его плечи, вынимает из своего рюкзака бумажный промасленный пакет, достаёт из него аппетитный румяный пирог.

– С капустой! – говорит он с гордостью. – Жена пекла...

Мужики рассаживаются. Степан Осипович разливает.

– Вот ты, Кузьмич, столяр-краснодеревщик... – говорит он. – А ты знаешь, что такое «выдвиженка» – символ нашей родной современности?.. Не знаешь!.. Дети!.. – кричит в коридор фельдшер.

Трое детей, мал мала меньше, как из-под земли появляются на кухне.

– Несите сюда книги, – командует гость. – Сейчас я тебе покажу, что такое «выдвиженка»...

– Карьеристка, что ли? – гадает Кузьмич.

– Хуже... Давай лучше выпьем за здоровье моего кореша с миноносца «Молодецкий»... Паря! – поднял стакан लेकर. – За тебя!..

– Давай! – говорит Кузьмич.

– Давай! – соглашается «тостуемый».

Они выпивают... Дети приносят кучу книг и начинают во все глаза смотреть, как Степан Осипович складывает из книг некое подобие шкафа-купе.

– Это мой шкаф-купе, – объясняет он детям и раздвигает обложки. – А вот это и есть «выдвиженка»!

Обложки раздвинуты, из-за них появляется ещё одна книга.

– Фокус-покус!

Дети в восторге!..

... – Пётр Кузьмич, пусть переночевать моего друга с «Молодецкого».

– Куда?! – вдруг изумляется Кузьмич. – Ты видишь эту армию?.. Это у французского «короля-солнца» было четыреста кроватей.

– Понимаю.

– И все ручной работы, из хороших пород... – добавляет столяр-краснодеревщик.

– Понимаю... Давай!

Они допивают остатки.

Константин Иванов с обречённым видом встаёт и идёт к двери.

– Слушай, сосед... – оживляется вдруг Кузьмич, – есть идея... Я тут на заказ срочно сделал одну работёнку... Уют и комфорт!..

...Изда писателя Михайлика была погружена во тьму. Лишь наверху, под крышей, светилося слуховое окно. Оттуда доносился решительный стук «Рейнметалла».

Одетый во всё чёрное писатель, вернувшись из разведывательного рейда и спугнув пару похожих на него самого летучих мышей, фиксировал на бумагу услышанное им этой ночью. Атмосфера начинала накаляться. Вся борьба была впереди...

«...Несмотря на решение областных организаций и епархии, нынешние захватчики, а точнее – ракетеры, пытаются не мытьём, так катаньем втянуть в этот конфликт столичные власти...»

Мрачный кот Леопольд смотрит своими немигающими глазами на чёрную высокую фигуру «Человека-непопыря» недоумённо, без одобрения.

– Ты, Лёдя, рыжий неграмотный дурак... – прекратив печатать, обратился к коту костюмированный писатель, почувствовав этот жёлтый неодобрительный взгляд. – Жизнь есть борьба!.. Свобода есть осознанная необходимость!.. Империализм как высшая стадия капитализма... Утро вечера мудренее!.. Иди гуляй...

...Тихий ночной полумрак дежурной комнаты полицейского участка в новой Москве нарушает резкий сигнал тревоги. Дремавший за столом молоденький лейтенант Грибов вскакивает как ужаленный с криком:

– Грабёж!!! Сидоренко!

– Где? – в дверях появляется сонный старшина.

Лейтенант автоматически надевает на голову форменную фуражку, подбегает к обширной карте района.

– Объект номер девять... Объект номер девять! Далеко отсюда... Есть такой!.. Магазин «Кухни»... Заводы «козла». Оружие с собой.

И вот они уже едут по ухабистой дороге ночной новой Москвы. Вдали маячат небоскрёбы новостроек.

– Фонарь взял?

– А как же...

– Запасной рожок к АК взял? – интересуется лейтенант Грибов.

– Зачем? – зевает Сидоренко.

– А если будет бой?

– Бой... – усмехается Сидоренко.

– А если вооружённый грабёж?.. Или провокация?.. Или терроризм?..

– Да спят все вокруг...

Однако входная дверь магазина «Кухни» при проверке оказалась открытой. Даже возле замка были видны следы какого-то металлического предмета.

В магазине темно. Включив фонарь, полицейские начинают изучать обстановку. То и дело натываясь на столы и стулья, они уходят вглубь магазина.

И вдруг луч фонаря выхватывает из темноты длинный лакированный благородного красного дерева предмет, украшенный шёл ковыми рюшами.

– Гроб... – шепчет Сидоренко.

– Гроб-то как тут оказался? – поражён молоденький лейтенант. – Терроризм?

В этот момент крышка гроба начинает шевелиться и тотчас же с грохотом падает на каменный пол.

Из гроба восстаёт уже вполне про трезвевший, в помятом виде, фермер Константин Сергеевич Иванов.

При виде его лейтенант полиции на тренированным жестом мигом выхватывает из кобуры пистолет Макарова и, падая в обморок, стреляет.

Фермер Иванов выпрыгивает из гроба и пытается убежать.

– Стоять!!! – страшным голосом вопит Сидоренко, поднимает автомат Калашникова и даёт очередь в потолок... Откуда-то сверху начинает рушиться сложенная до потолка мебель – шкафы, шифоньеры, диваны, кушетки, сундуки, комоды, этажерки, кресла, столы и стулья... И всё на несчаст-

ного приезжего провинциала.

Две «скорых помощи» с воем развозили в разные концы Москвы двух пострадавших в магазине «Кухни» – молоденького лейтенанта Грибова, так и не пришедшего пока ещё в сознание, доставили в военный госпиталь, а незадачливого фермера Константина Иванова – на Новую Басманную, в же-

лезнодорожную больницу у трёх вокзалов, куда обычно по ночам свозят «людей улиц» – алкашей, жертв всяких разбо-рок, колотых и обкуренных, идейных лодырей без докумен-тов, склонных линять из приютов и «домов трудолюбия», и беглых как бы изнасилованных жёнами мужей... Все они по-падают в руки опытных и решительных врачей – как прави-ло, бывших армейских медиков с огромным опытом карди-нального врачевания.

Параллельный мир... «Огни большого города»...

* * *

...Крыша из ондулина уже накрыла деревянный каркас будущего сруба фермеров Ивановых. Ребятам-плотникам там, на верхотуре, хорошо видны просторы на другом бе-регу Чугунихи, дальние заросли молодого сосняка, подняв-шегося на месте давнего лесного пала, мелколесье просеки мёртвой узкоколейки, луга с пасущимся там при Палыче под перезвон колокольцев-болтунов небольшим стадом, и, нако-нец, извивающийся змеёй пыльный просёлок. А на просёл-ке джип «Сузуки» с принайтованным на крыше редким для наших краёв механизмом под названием «тандем»..

Это приехали в гости к писателю Владу Михайлику его жена Наина и дочь Люся-Люда-Люка (Людмила), питерские законодательницы современной моды из русско-француз-ской фирмы «КАFTAN» – портниха и рисовальщица-мо-

дельерша. Обе дамы разительно отличались друг от друга прежде всего причёсками: мать – круглолицая, со стрижкой каре и крашенная в тёмную шатенку, дочь – узкий череп «в отца» и тяжёлая русая коса по пояс с вплетённой золотой ленточкой.

Если взглянуть на убелённое сединой долгое лицо Владислава Евгеньевича, то особой радости оно не выражало. В его творческую атмосферу деревенского одиночества, фантазий «делириума» и иллюзий «чушизма» ни села ни пала вторглась дешёвая бабская суетливая современность.

Гости подъехали к отцовской обители, извлекли на свет несметное количество сумок, картонок, пакетов, рулоны тканей – бязи, полотна, сатина, кряхтя, достали из глубины багажника швейную машинку «Зингер», сняли с крыши джипа тяжеленный тандем и прокричали:

– Папочка... Жарко... Едем купаться!!!

Писатель, увидев тяжеленный «Зингер» и запасы белых тканей, помрачнел окончательно.

– Надолго? – спросил он.

– До осени, – ответила Люка. – Мама будет шить халаты для балета «Карантин».

– «Карантин» по-итальянски это «сорок дней»...

– Похоже на то... – рассмеялась дочь. – Папочка, ты, как принято говорить, не в духе...

– Да нет, наверное... – уклонился от ответа отец.

– «Да-нет-наверное» непереводимо ни на итальянский, ни

на английский, ни на французский! – заметила Люка. – А по-польски?

* * *

...Мужская палата на тридцать коек в больнице близ трёх столичных вокзалов почти заполнена. Больные мужики в застиранных серых пижамах, с самыми разными диагнозами, снятые кто с поездов, кто с вокзальных скамеек, а кто и, как фермер Константин Иванов, из полицейских участков, коротают время кто чем: играют в шахматы или шашки, читают книги или газеты, изучают содержимое своих (у кого есть) гаджетов – где про политику, где похабщина, тайком курят под одеялом, спят, наконец.

– Я скромное не ем, – говорит один.

– Отдашь мне, – отвечает сосед. – А чего не ешь-то?

– Отвык.

– Вот и правильно.

Дверь палаты открывается, и на пороге стоит медсестра – маленькая, пухлая и писклявая, с бумажками в руках. Почти девочка.

– Иванов!!! – пищит она. – На выписку!

– Я!!! – тотчас вскакивает с койки коротышка в очках с ярко-рыжей шевелюрой до плеч. – Я Иванов!..

– На выписку!.. За мной!

Вот они задерживаются возле сестринского поста на эта-

же, и счастливый Иванов получает какие-то бумажки...

Вот они входят в царство кастелянши, и рыжий кучерявый коротышка, снимая больничную пижаму, получает цивильную одежду – потрёпанные синие джинсы, выдавшие вид свитер с оленями и серую куртку с накладными карманами.

А мужская палата даже не заметила потери пациента. Читают, спорят, курят под одеялом, играют и спят.

– Меня врачи снять успели, хоть поезд и стоял одну минуту.

– А багаж?

– А багаж не успели...

– Жаль.

– Да у меня его и не было.

– Это хорошо!

Дверь палаты с шумом открывается, и на пороге появляется ещё одна медсестра – высокая атлетического вида брюнетка.

– Иванов!!! – зычным голосом говорит она. – Иванов!!!

Нет ответа.

– Куда делся Иванов? – недоумевает сестра-великанша, царица больничных рекреаций.

– Ну я Иванов... – просыпается и выглядывает из-под одеяла злополучный фермер и садится на койке.

– Быстро к парикмахеру! – командует сестра. – Срочно стричься!..

...А в это время рыжий коротышка с развевающейся богатой шевелюрой до плеч стремительно убегает по Новой Басманной, путаясь в просторных поношенных джинсах и выпадая из свитера с оленями под курткой с чужого плеча.

А палата живёт своей жизнью.

– Я говорю доктору: ты, мол, грыжу-то дратвой зашей. По-нашему, по-сапожному. А он мне: я её лыком заплету, по-нашему, по-лапотному.

Вся палата смеётся.

Вернувшись от парикмахера, стриженный «под ноль» Константин Иванов тоже смеётся за компанию со всем честным народом. Неожиданно у него в рюкзаке, засунутом под койку, что-то затрещало. Он удивился, с трудом достал рюкзак. Это звонил мобильный телефон, купленный им по дешёвке в столице.

Странно...

– Алё... – робко спросил он, приложив гаджет к забинтованному уху.

– Кореш! Как спалось в магазине «Кухни»?.. Кроватка мягкая была?.. Ха-ха!.. Ты куда пропал?.. – это был весёлый голос корабельного фельдшера Степана. – Ты почему-то молчишь... Кузьмич тоже ни гугу...

– Какой Кузьмич?

– Забыл... Мой сосед – столяр... Как здоровье?

– Как масло коровье... – мрачно ответил Костя, вспомнив ужасную ночь со стрельбой. – Как ты меня нашёл?

– Так ты же мне звонил тогда... Вот и попался, – смеется медик. – Отпечатался... Номер блатной или за взятку – 5432112345... Жив-здоров? По медицине помочь не надо?

– Не надо... – скрипнул зубами Костя.

– Все дела сделал?

– Тип-топ...

– Уже дома?

– Уже... Спасибо, паря!..

– Ну, давай...

Потом он долго мучился – зачем грубил, с какого ляху вдруг окрысился на добряка Степана. «В гроб не надо было лезть», – решил он наконец...

* * *

...Интеллигентные петербургские дамы на датском тандеме «Роял» и писатель на отечественном велосипеде («ровере» по-польски) «Рига» подъехали к так называемому пляжу Чугунихи. Деревенские дети с отросшими и выгоревшими за солнечное лето вихрами на головёнках вперемежку с дачными отпрысками плескались на мелководье.

Людмила, спрятав под косынкой свою тяжёлую косу, сунулась было туда, где дети. И тотчас же выскочила обратно на берег. Ледяная родниковая вода Чугунихи обожгла её стройные ноги.

– «От можа до можа!» Но я так не могу... – стуча зубами,

пошутила она.

– Не смешно... – отреагировал обидчивый поляк.

– В детстве я, наверное, так же могла бы, как они, – смеясь, сказала польская красавица матери и показала на ребяташек.

Распахнув на песке широкую цветастую простыню-фратэ, она извлекла из кожаного рюкзака плоский чёрный предмет, расположила его у себя на голых коленях, выше которых на ляжках красовались тату в виде то ли долларов, то ли змей. Девушка углубилась в созерцание чёрного планшета, изредка вращая его перед своими карими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.